

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕЯНИЯ НОВОГО СТОЛЕТИЯ *POLITICAL TRENDS IN A NEW CENTURY*

Нациофобия и национал-популизм: взаимосвязь в условиях глобализации

Э.А. ПАИН*

*ПАИН Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор-исследователь Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000 Москва, Мясницкая, д. 20. E-mail: epain@hse.ru

В 1960–1970-х гг. в интеллектуальной среде западного мира слабеющая к тому времени марксистская догма об “отмирании государства” вдруг приобрела неожиданных союзников не только в лице влиятельных постмарксистов вроде Ю. Хабермаса, но и таких либералов, как К. Ясперс и Х. Арндт: все они поддерживали тезис о пришествии в скором будущем новой эпохи – без национальных государств. К началу XXI в. вера в приближение “постнациональной” эпохи стала доминирующей в мировоззрении западных элит. Вместе с тем именно к этому времени отчетливо проявились доказательства догматичности, практической несостоятельности и мифологизированной природы данной концепции, имеющей признаки фобии – нациофобии. Ныне все яснее становится необходимость политической нации как важнейшего условия функционирования политической системы, основанной на принципах либеральной демократии. Своеобразным доказательством этого (по принципу “от обратного”) стало нарастание популизма как ответ на эрозию политических наций, раскол нации и обострившееся противостояние элитарных групп и народных масс. Анализ взаимосвязи между элитарной нациофобией и апеллирующим к массам национал-популизмом как взаимосвязанными противоположностями – основная задача статьи. В ней высказывается гипотеза о том, что подъем популизма в западных обществах вызван не столько новыми экономическими обстоятельствами, сколько давно накопившимися идейно-политическими и социокультурными причинами, лишь обострившимися в условиях глобализации. Одновременно подчеркивается особенность современных российских исторических обстоятельств, в которых основной политической проблемой выступает не столько популизм, сколько его противоположность – элитизм, продуцирующий нациофобию.

Ключевые слова: нация, нациофобия, популизм, национал-популизм, элитизм.

DOI: 10.31857/S086904990006560-8

Цитирование: Паин Э.А. (2019) Нациофобия и национал-популизм: взаимосвязь в условиях глобализации // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–46. DOI: 10.31857/S086904990006560-8

Статья подготовлена в рамках научной работы по гранту Российского научного фонда в РАНХиГС № 15-18-00064.

Nation-Phobia and National Populism in a Globalizing World

*Emil A. PAIN**

***Emil A. Pain** – Dr. Sc. (Political Science), research professor at NRU HSE, Department of Public and Local Service, Address: 101000, 20, Myasnitkaya st., Moscow, Russian Federation. E-mail: epain@hse.ru

Abstract. In the 1960–1970s, in Western intellectual circles the old Marxist dogma about the “withering away of the state”, which has been considerably weakened by that time, suddenly acquired unexpected allies not only in the person of influential post-Marxists like Jürgen Habermas, but also such liberals as Karl Jaspers and Hannah Arendt: They all believed in the advent of a new, “post-national”. By the beginning of the 21st century, the belief in the inevitable decline of the nation-state has become predominant in the worldview of Western elites. However, it is precisely today that the dogmatic and inconsistent nature of the post-national idea, having many signs of a phobia (the “nation-phobia”), seems evident, while national unity as an essential condition for the functioning of liberal democracies becomes ever clearer than before. The rise of populism can be seen as a peculiar proof of this thesis to the extent that it is a response to the erosion of political nations and deepening split between elites and popular masses. The article analyzes the relationship between elites’ nation-phobia and national populism, appealing to popular masses, as that of two closely linked opposites. It advances the hypothesis that the rise of populism in Western societies is caused not so much by new economic circumstances, but rather by long accumulated ideological, political and sociocultural problems, which have been exacerbated in the context of globalization. On the other hand, the peculiarity of contemporary Russian historical circumstances is emphasized. Here, it is not populism, but its alter ego – elitism – which poses the main political problem while producing nation-phobia.

Keywords: nation, nation-phobia, populism, national populism, elitism.

DOI: 10.31857/S086904990006560-8

Citation: Pain E. (2019) Nation-Phobia and National Populism in a Globalizing World. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 30–46. DOI: 10.31857/S086904990006560-8 (In Russ.)

Что такое нациофобия?

Впервые термин “нациофобия” мне встретился в свежей статье французского политолога Ж. Деланнуа, посвященной доказательству несостоятельности идеи “постнационального мира” [Деланнуа 2018]. Его аргументы представляются мне здравыми и убедительными. Французский политолог отмечает следующие особенности бытования данной идеи. Это, во-первых, узкий социальный круг ее поддержки, ограничивающейся лишь элитарными слоями общества. Во-вторых, догматизм: идея “постнационального мира” преподносится как аксиома, не подлежащая обсуждению в силу своей очевидности. “Но, как это часто бывает, слабость аргументации пытаются компенсировать страстью, свойственной проповедникам”. В-третьих, стигматизация критики этой идеи: «Противоположная позиция, рассматривающая нацию как устойчивое и имеющее большое значение явление (по крайней мере в среднесрочной перспективе), в этой же среде воспринимается не иначе, как апология “закрытого общества”» [Деланнуа 2018]. Замечу, что выдвигаемая сторонниками постнационализма увязка “закрытости” и национального устройства общества, характерная для современной либеральной среды, совершенно бездоказательна и во многом абсурдна.

Сама ценность “открытого общества” сформировалась в узком кругу западных национальных государств. Следовательно, существование национального государства не только не было помехой зарождению этой идеи, но и выступало одним из важнейших условий ее появления и реализации на практике. Она не могла появиться в донациональных обществах, опирающихся на трайбалистские, авторитарные или тоталитарные традиции,

а именно такие “закрытые общества” преобладают в современном мире. Известная теория Э. Дюркгейма указывает на связь между формированием, сохранением, трансляцией коллективных представлений и социальной практикой определенных сообществ. Без опоры на социальную практику продукты коллективной культуры (например, этнический язык) выходят из употребления, умирают, перестают воспроизводиться исторической традицией, даже если сохраняются в некоторых текстах, либо не приживаются – в случае заимствования культурных норм. Разные типы сообществ несут ответственность за воспроизводство различных сторон культуры.

Если трансляцию языка и народных обычаев осуществляет этническое сообщество, то носителем и хранителем политических коллективных представлений выступает *нация – сообщество граждан государства, осознающее свою ведущую роль в политической системе и свою культурную целостность, единство, скрепленное совокупностью культурных символов*¹. Не исключено, что в будущие времена ценность “открытого общества” станет универсальной и тогда ее хранителем может быть все человечество, но пока такая перспектива кажется если и не фантастической, то уж очень отдаленной. К сожалению, связь между политическими демократическими традициями и нацией как их социальным носителем выпала из поля зрения не только в среде сторонников постнационального мира, но и всего современного обществоведения, что является отражением более общей научной проблемы. Как отмечает Э. Роулз, на протяжении века со времен дюркгеймовского открытия оно трактовалось упрощенно, поскольку изучение трансляции коллективных представлений было оторвано от понимания роли социальных носителей этих представлений и их социальных практик, хотя именно в акценте на этой связи кроется смысл теории Дюркгейма. Новая постмодернистская социология еще в большей мере затушевала эту связь, сведя коллективные представления к текстам [Rawls 2001].

Такое упрощенное понимание механизма поддержания коллективных представлений порождает проблемы не только адекватности познания, но и практические, политические, прежде всего связанные с иллюзиями легкости переноса и приживания демократических текстов-идей в те национальные сообщества, где или вовсе не сложились, или лишь слабо оформились соответствующие культурные условия. В реальной политической практике таких обществ освоение заимствованных демократических институтов заменяется их имитацией.

Вернемся к идее постнационального мира. В ее нынешнем состоянии она чаще всего проявляется в форме расхожих стереотипов с признаками фобии, то есть предрассудочно-дорионального неприятия и отвержения иного мнения, хотя рождалась она в другом качестве. У немецких основоположников этой идеи она еще не сложилась в стереотип и была обусловлена понятным, особенно в послевоенные годы, стремлением не допустить возрождения нацизма. При этом именно в Германии понятия нация и нацизм в сознании легко совмещались, хотя бы потому что в немецкой культуре долгое время удерживалась этническая трактовка нации как синонима этноса, в отличие от Франции, где с конца XVIII в. утверждалось гражданское понимание нации, и англосаксонских стран с их давней политической трактовкой нации, связанной с государством и гражданскими правами. В Германии же еще в конце 1990-х гг. действовал принцип “почвы и крови” при предоставлении гражданства. Однако ныне и здесь гражданская трактовка нации пробивает себе дорогу как в юриспруденции, так и в политологии.

В 1990-е гг. как раз в ФРГ произошли события, прямо противоположные идее постнационального мира. Как отмечает Деланнуа, «объединение Германии происходило под пе-

¹ В ЕС также существует гражданство, совмещенное с национальным. Однако пока это по большей части формальное гражданство, не подкрепленное, как будет показано ниже, сложившейся общеевропейской идентичностью. По крайней мере, последняя существенно уступает национальной идентичности по своей значимости для подавляющего большинства европейцев.

реосмысленным в позитивном ключе лозунгом “Wir sind ein Volk” (“Мы один народ”) <...> Вот это действительно ирония истории: настоящее и будущее национальной реальности были подтверждены в том самом месте, где ее конец считался чуть ли не предрешенным» [Деланнуа 2018]. В США после теракта 11 сентября 2001 г. возродился культ нации, а подъем национального патриотизма стал сопоставимым с тем, который наблюдался в годы Второй мировой войны. Но и спустя восемь лет после тех трагических событий он был настолько значимым, что Б. Обама поставил во главу угла всей своей президентской кампании идею единства нации *One Nation*. К ней он обращал свой знаменитый лозунг “Yes We Can” (“Да, мы можем”), и к нации же он апеллировал впоследствии, ища общественную поддержку провозглашенных социальных реформ. Апелляция к единству нации – гражданской, а не этнической – стала краеугольным камнем инаугурационной речи (которая, возможно, войдет в историю как один из лучших образцов этого жанра) нового президента Украины В. Зеленского.

Роль нации, бесспорно, возрастает в периоды экстраординарных политических перемен, масштабных кризисов и значительных реформ, требующих общенациональной мобилизации общества. Вместе с тем и рутинные формы функционирования демократии нуждаются в опоре на гражданскую нацию, неразрывно связанную с принципом народного суверенитета. По мнению Ш. Муффа, эту проблему в науке одним из первых (еще в 1947 г.) очертил Й. Шумпетер в книге “Капитализм, социализм и демократия”, но поставил ее “от обратного”, отрицая необходимость связи демократии с национальной консолидацией и народным суверенитетом [Муфф 2004, с. 181]. Шумпетер предложил обеспечивать прежде всего права индивида и уделять меньше внимания коллективному субъекту. Инструментом такого индивидуалистического разворота экономист и политолог считал совершенствование процедурной стороны демократии, а именно – обеспечение достоверности и надежности результатов выборов, *de facto* превращающих демократию из коллективного действия в соревнование индивидуальных интересов.

Тем самым было положено начало новому научно-политическому направлению, получившему название “эмпирическая политическая теория”. Развивая этот сугубо инструменталистский подход, Э. Даунс выдвинул еще более радикальную идею о том, что плюрализм интересов и ценностей важнее, чем сама идея “народа”, и предлагал отказаться от одной из базовых идей демократии – “поощрения участия народа в принятии политических решений”, поскольку оно, по мнению Даунса, только мешает работе государственной системы [Downs 1957]. Стабильность и порядок в государстве могут и должны обеспечиваться, по мнению этого политолога, “компромиссом между разными интересами, а не иллюзорным национальным консенсусом относительно общего блага” [Муфф 2004, с. 181].

Но жизнь постоянно опровергала эти умозрительные построения. Демократия не исчерпывается выборами, которые, в свою очередь, не сводятся к голосованию. Сразу же после подведения итогов выборов возникает важнейшая проблема признания легитимности их результата, которая требует именно национального консенсуса, поскольку какие-то группы интересов неминуемо оказываются в проигрыше. Значение такого консенсуса, предусматривающего готовность подчиниться невыгодному для тех или иных групп результату, не развязывая гражданской войны или бунтов неповиновения (обычных для трайбалистских обществ), особенно высоко в тех случаях, когда общество после выборов раскалывается примерно на равные части, как это случилось с референдумом по Брекситу в Британии или избранием Д. Трампа президентом США в 2016 г.

Нация – это воображаемое сообщество во многих смыслах, в том числе и в признании людьми, идентифицирующими себя с национальным сообществом, некоторых общих и объединяющих их идей, начиная с самоназвания (“мы – американцы”, “мы – россияне”, “мы – израильтяне”, *etc.*) и заканчивая согласием с определенным типом правления

(“у нас не монархия, а республика, власть не наследуется, а избирается”). Повседневное функционирование демократической власти нуждается в национальном согласии прежде всего в таком элементе единства, как общегражданское (или, по крайней мере, преобладающее в обществе) доверие к демократическим институтам, без которого неизбежно развивается кризис легитимности власти. Эмпирические исследования, да и практический опыт показывают, что доверие к институтам лучше всего формируется в обществах, поощряющих такие атрибуты гражданской нации, как политическое участие граждан и гражданский контроль за деятельностью властей. Один из наиболее авторитетных политических философов современности Ч. Тэйлор называет три ключевых условия существования и поддержания современных демократических режимов: национальное единство, всеобщее участие и равное достоинство граждан [Taylor 2012].

Вместе с тем в условиях глобализации проявляются факторы, подрывающие позиции наций в качестве доминирующей формы территориальной организации мира. Рост культурного разнообразия увеличил культурную гетерогенность национальных государств; возросла дистанция между управляющими и управляемыми, между элитой и массой. Параллельно с этим нарастала эрозия партийно-политической системы западного мира, вырождавшейся, по мнению видных западных аналитиков, в “аудиторную демократию”, в которой граждане в основном довольствуются пассивной ролью наблюдателей [Манен 2008]. Если в XVIII–XIX вв. элиты были заинтересованы в развитии нации и устранении барьеров для единого национального рынка, то в условиях глобализации ситуация кардинальным образом изменилась: экономические элиты стремятся к уничтожению барьеров уже в планетарном масштабе. Но у экономической глобализации есть весьма существенное ограничение – необходимость поддержания социального мира у себя дома, в государствах, где расположены штаб-квартиры крупнейших международных бизнес-корпораций. Как справедливо заметил Т. Ремингтон, “социальная сплоченность необходима для того, чтобы капитализм мог сосуществовать с демократией” [Ремингтон 2019]. Это замечание весьма своевременно, поскольку ныне социальные и культурные расколы обостряются во многих странах мира.

Разбуженное и рассерженное большинство

В начале XXI в. стали все отчетливее проявляться признаки сбоя в функционировании политической системы либерально-демократического типа, характерной для большинства стран Запада. Одним из проявлений кризисных явлений стал подъем антиэлитарных настроений, обозначаемых понятием “популизм”, и сопровождающийся ростом недоверия граждан к основным политическим институтам (исполнительной и законодательной власти, партиям и др.).

Популизмом ныне называют настолько разные явления, что впору задаться вопросом, а могут ли они быть охвачены одним термином? Этот вопрос уже не раз обсуждался в академических публикациях, в том числе и с моим участием [Паин, Федюнин 2019]. Здесь же отмечу, что наличие социальных движений, которые чаще всего именуют популистскими, выступает одним из доказательств спроса широких масс на восстановление своей роли в политике, на возвращение (или обретение) своего собственного политического голоса в той мере, в которой они выражают требование возродить национальную консолидацию как *непрерывное условие политического самовыражения непривлекательных групп*.

Кризис доверия к политическому режиму вовсе не свидетельствует о кризисе доверия к идее нации или об убывании ценности государства-нации. Напротив, национал-популистские движения (а это, пожалуй, самая представительная часть современного популизма) выступают за укрепление национально-государственного суверенитета, их активность оказывает непосредственное влияние на изменение политического курса ряда государств

(наиболее очевидный пример – решение Великобритании о выходе из ЕС). Массовый национал-популизм противостоит узким и все сжимающимся группам интеллектуалов и политиков в Западной Европе, выступающим с противоположными идеями и связывающими “европейское не только с вне- или наднациональным, но и с антинациональным как синонимом прогрессивного” [Шимов 2019]. На мой взгляд, такое понимание прогресса и есть ярчайшее проявление нациофобии.

Противостояние между национал-популизмом и той частью элиты, которая считает антинациональное прогрессивным и пытается “рвать знамена нации”², проявляется в разных сферах, но прежде всего в отношении к миграционной политике и политике мультикультурализма. Популисты уличают элитарную мораль в лицемерии. Так, представители высших слоев общества твердят о достоинствах притока мигрантов и мультикультурализма, но сами в своей повседневной жизни не желают опробовать это “благо”. Элита не конкурирует с мигрантами на рынке труда, она не встречается с ними в своих привилегированных зонах обитания, разве что как с прислугой. Элита может расхваливать достоинства “открытого общества”, но зачастую только на словах. В реальности же элитарные слои общества закрыты для значительной части мигрантов, которые на протяжении нескольких поколений оседают на низших ступенях социально-имущественной лестницы. Мультикультурализм, точнее одно из его следствий – коммунитаризм, обуславливает раскол обществ на замкнутые общины, зачастую возникающие стихийно. Беднейшая часть мигрантов концентрируется в беднейших же кварталах, с наихудшим медицинским обслуживанием и, что страшнее всего, с наихудшим образованием, надолго закрепляющим их социальное отставание. Неравенство, отмечает французский социогеограф К. Гийюи, получает территориальное закрепление и оборачивается, в сущности, сегрегацией [Guilluy 2016].

Такая ситуация типична для многих стран Западной Европы. Примером может служить брюссельский район Моленбек, ставший печально известным как один из общеевропейских центров концентрации радикального исламизма и терроризма. Эта территория никогда официально не предназначалась для заселения иммигрантами из беднейших исламских государств. Первоначально их привлекала туда дешевизна жилья, а затем сложившиеся там связи с земляками и единоверцами. По мере увеличения численности таких приезжих жителей, не слишком требовательных к современному комфорту, качество жизни в этом районе все более снижалось, а местные бельгийцы, даже из числа беднейших, покидали кварталы, становившиеся иммигрантскими. Год за годом Моленбек и его обитатели спускались все ниже по социальной лестнице. Рост недовольства как естественное следствие такой ситуации было использовано радикальными исламистами, все прочнее укоренявшимися в этом стихийно возникшем гетто [Боброва 2015].

Как ныне известно, именно из Моленбека прибыли террористы, которые организовали и провели в Париже террористический акт 13 ноября 2015 г. В кварталах, таких же как Моленбек, сформировались взгляды и навыки организаторов террористических актов в Стокгольме (апрель 2017 г.) и Лондоне (май 2017 г.). Зарождение этих трагедий можно было проследить еще за пять–десять лет до страшных событий, если бы тогда политики и аналитики больше внимания обращали на ситуацию, складывающуюся в кварталах иммигрантов и на возникающие в них городские бунты: в Париже (осень 2005 г.), в Лондоне (август 2011 г.) или Стокгольме (май 2013 г.). Эти события дают обильную информацию для размышления о многих сторонах рассматриваемых нами проблем. Они высвечивают прекраснодушие отдельных защитников мультикультурализма, по идейным причинам не обращающих внимание на его угрожающие последствия, способствовавшие появлению новых гетто в крупнейших городах.

² Метафора “рваные знамена нации” принадлежит Я. Шимову.

Не глобализация породила проблему социальных расколов

Миграционный кризис 2015–2017 гг. лишь усилил проблемы, давно накапливавшиеся во многих западных обществах, прежде чем выйти наружу в форме “трампизма”, Брексита, электоральных успехов “Альтернативы для Германии” (AfD) в ФРГ или победы конгломерата популистских сил на выборах в Италии. Еще в 1980–1990-е гг., когда духовные лидеры либерализма Д. Белл, С. Липсет, Ф. Фукуяма и другие были уверены во всемирной победе либеральной демократии, стал заметен процесс отчуждения, самоустранения элиты развитых демократических стран от поиска ответов на самые животрепещущие и болезненные вопросы повседневной жизни населения, местных и национальных сообществ. К. Лэш назвал данный феномен “*восстанием элит*” [Лэш 2002]. Положим, “восстание” – избыточный термин, да и родился он в пылу полемики американского социолога со знаменитой книгой Х. Ортега-и-Гассета “Восстание масс”. В действительности же можно говорить об ослаблении гражданских качеств элиты, прежде всего политической, вслед за эрозией демократических институтов в западных странах. Перечислю лишь некоторые признаки этого процесса:

– бюрократизация политических партий, в которых все меньшую роль играют демократические процедуры (внутрипартийные выборы, съезды, дискуссии) и большую – штабы, политтехнологи, агенты и посредники;

– депрофессионализация политического класса: сам взлет к вершинам власти таких фигур, как С. Берлускони или Д. Трамп в странах с длительной демократической традицией, отражает *упадок гражданского духа* и девальвацию в обществе уважения к политической деятельности;

– рост произвола в сфере управления (тот же Трамп за время своего президентства не раз продемонстрировал проявления такого произвола в принятии важных решений).

Все это приводит в западных обществах к снижению доверия к политикам как классу, профессиональной группе. Об этом свидетельствуют данные международного исследования “Индекс доверия GfK”, проводимого в 17 странах Европы и в США. Согласно этим данным, политики занимают самую нижнюю строчку в рейтинге доверия населения к профессиональным группам. Так, к пожарным (они везде на вершине списка) с доверием относятся в среднем (в разные годы) – 89–92% респондентов, к почтовым работникам – 81–82%, к полицейским – 58–61%, а к политикам – всего лишь 17–18%. Самый высокий показатель доверия к политикам как к профессионалам в Швеции – 38%, а самый низкий в Греции – 6% [Индекс доверия GfK 2009]. В 2017 г. корпорация Bloomberg опубликовала результаты исследований, согласно которым “уровень доверия к институтам и к людям в США достиг исторического минимума <...> Единственные два института, помимо армии, которым [американцы] склонны верить в наибольшей степени – это малый бизнес и полиция <...> Уровень доверия к СМИ, системе образования, системе здравоохранения и судебной системе – не говоря уже о президенте и Конгрессе – достиг печально низких отметок” [Bershidsky 2017].

Низкое и падающее общественное доверие проявляется не только по отношению к политической элите, но и к экономической, то есть наиболее преуспевающим слоям населения. И обусловлено это нарастающим разрывом связи между экономическим успехом человека и его участием в местной жизни, а во многом и в отступлении от базовых принципов “протестантской этики”. М. Вебер указывал на следующие важные черты последней, которые, по его мнению, и обеспечивали ей конкурентные преимущества: во-первых, трудовая этика распространялась не только на основную массу населения, но и на элитные группы; во-вторых, именно элитам надлежало проявлять свою религиозность в скромности, вплоть до аскетизма; в-третьих, принципы добродетельности элит предполагали получение общественного признания как подтверждения этой добродетельности при жизни,

а не после смерти [Вебер 2002]. Классик социологии полагал, что современный ему капитализм изменился в следующих отношениях: во-первых, он уже выработал механизмы самовоспроизводства “протестантской этики”; во-вторых, эта этика стала универсальной для всего класса предпринимателей и, в-третьих, она уже не нуждалась в религиозной поддержке.

Как оказалось, во всем этом Вебер глубоко ошибался. Жизнь постоянно доказывает: надежды на самовоспроизводство культурных феноменов тщетны; все, созданное культурой, требует постоянного поддержания и возделывания, а без этого тонкий слой социально ответственной этики легко срывается даже в странах с прочной протестантской традицией. Лэш показал эти перемены на примере США. Если еще в середине XX в. достижение материального достатка и других форм жизненного успеха было связано с репутацией, приобретаемой делами на благо жителей местного сообщества и всех соотечественников, то уже к концу столетия успех человека в большей мере зависел от личных связей, приобретаемых в глобальном мире. Вот, пожалуй, в этом аспекте можно говорить о влиянии глобализации.

Действительно, растущий космополитизм значительной части элиты и ее антинационализм как безразличие к судьбам нации-общества усилили давно накапливавшийся отрыв элит от образа жизни, проблем, ценностей и ожиданий большей части населения своих стран. С этим разрывом и с нарастающей “дегражданнизацией” элит Лэш связывал деградацию политических дебатов и то, что он назвал “предательством демократии” [Лэш 2002]. В наши дни Э. Гидденс признает, что мир страдает от “космополитической перегрузки” и находится на пороге реформ перед лицом множественных кризисов, для преодоления которых человечеству предстоит заново создавать “ответственный капитализм” [Гидденс 2018]. Но не только его. Не менее актуальна задача возрождения ответственных граждан и преодоления раскола гражданских наций.

Популизм, при всех его недостатках, является не столько протестом против прогресса, сколько антиэлитизмом, ответом на рост неравенства, разрыв социальных связей и другие дисфункции гражданских наций. При этом движения популистов демонстрируют возросший интерес масс к восстановлению и развитию принципа народного суверенитета. Немецкий политолог К. Зегберс отмечает: «Во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют “политиками идентичности” – *те видятся им более важными, чем экономическая политика* (курсив мой. – Э.П.). Политика идентичности – это то, что я чувствую себя обделенным, я чувствую себя маргинализированным, я чувствую себя утратившим политический голос, я чувствую себя разоренным. И единственный способ с этим справиться – чувство культурной идентичности» [Зегберс 2019].

Почему проблема идентичности стала столь важной? Это большая тема, которую невозможно детально осветить в одной короткой статье. Ограничусь фрагментарными набросками анализа. Одну из причин я обозначил, определяя истоки популизма как ответа “маленького человека” на ослабление его влияния на большую политику и на экономическую жизнь. Есть и другая важная причина. После террористических актов в США и в ряде крупнейших городов Европы в 2000-е гг. здесь произошел разворот общественного сознания в сторону защиты “национального единства”. Одновременно поднялась небывалая волна критики “мультикультурализма”. В упрек этой политике ставится прежде всего раскол национального сообщества на замкнутые и порой весьма архаичные общины.

Модель мультикультурализма подвергается критике еще и потому, что она ориентируется на защиту интересов только этнических и религиозных меньшинств, не обращая внимания на проблемы большинства. Точнее, косвенно, “за кадром”, в ней присутствует и большинство, но как правило лишь в роли ксенофобной массы, которую нужно непрерывно “цивилизовать”. Одни крайности порождают другие, и невнимание к месту этнического и культурного большинства в вопросах идентичности (*identity politics*) стало

одной из причин небывалого роста национал-популистских движений, выступающих от имени этого большинства. Впрочем, не всякий массовый популизм акцентирует свое внимание на этнокультурной идентичности. Например, “Желтые жилеты” по своему составу – полиэтничны, они включают в себя и представителей разных конфессий, и атеистов. Их лозунги связаны с требованиями признать их гражданскую идентичность, их претензию (далеко не во всем оправданную) считаться выразителями интересов большинства трудящихся во Франции.

Так или иначе, лозунги защиты идентичности (в разных ее проекциях) изначально были представлены на знаменах популистских движений, однако их долгое время не хотели замечать. Первые оценки этого явления на Западе, до сих пор сохраняющиеся и преобладающие в России, определяют популистов как новых луддитов, как экономических “лузеров”, беспомощно лающих на Луну из-за осознания своей неприспособленности к новым социально-экономическим условиям (см. подробнее [Паин, Федюнин 2019]). Весьма информативным опровержением таких суждений, крайне узких, технократических и оторванных от знания реалий современного мира, могут служить доводы, приводимые И. Крастевым. Он убедительно показывает, что уже в случае Польши совершенно не применима версия роста популизма как ответа на усиление экономических проблем. Эта страна уже два десятилетия живет в условиях заметного экономического роста: “Более 75% поляков говорят о том, что довольны экономическим состоянием страны. Поэтому очень часто не экономика, а культурные войны объясняют рост популизма”. Крастев указывает на большое разнообразие этих культурных войн, даже в границах одного лишь Евросоюза. Так, в странах Центральной и Восточной Европы истоки популизма зарождались еще в период “бархатных революций” и связаны прежде всего с постепенным разрушением изначальной “утопии нормальности”, то есть иллюзий по поводу возможности быстро “стать нормальным западным обществом <...> Скажем, в Болгарии мы хотели жить так, как люди жили на Западе. В результате самым главным способом трансформации стала имитация” [Крастев 2019].

Со временем оказалось, что имитация невозможна по совокупности причин и от нее все устали. Проявляется это по-разному. В Болгарии нарастает отток населения: страна за три десятилетия потеряла почти четверть населения (оно сократилось с 9 до 7 млн человек). Это порождает в болгарском обществе панику депопуляции; здесь также обостряются межэтнические отношения в связи с возможностью изменения соотношения численности населения между болгарами, турками и цыганами. В Польше и Венгрии (как и в Чехии) отток населения сократился и, напротив, растет приток сюда украинцев. В этих странах возрастает ощущение своей полноценности и превосходства. “Это хорошо видно на примере таких людей, как Орбан и Качиньский. Они говорят: мы хотим быть собой, это вы, Запад, теперь будете имитировать нас в том, как мы думаем о мигрантах. В каком-то смысле именно мы – настоящая Европа” [Крастев 2019]. Эта риторика понятна значительной части поляков и венгров, которые в советские времена мечтали вернуться в Европу христианскую, с традиционной семьей, а не в нынешнюю секулярную Европу с однополыми браками. И они кажутся самим себе истинными защитниками европейской идентичности и европейских ценностей.

Постепенно и в Западной Европе стала иссякать “утопия нормальности”, начали слабеть представления о культурно-политической однородности стран Европейского союза, прежде всего под напором информации о значительных различиях между странами-членами. Если страны старой Европы мучительно изживают у себя былой империализм, то в странах “новой Европы”, культивирующих в себе образ жертв (советского) империализма, нет ощущений собственной ответственности за имперское прошлое. В старой Европе, после ужасов гитлеризма, этнический национализм неприемлем как политический принцип, а в Польше и Украине, в Латвии и Литве он воспринимается

как важное историческое условие возрождения национальных государств. Здесь этнические националисты первой половины XX в. героизируются как борцы с тоталитаризмом – гитлеровским и сталинским. Первоначально новый, более реалистичный взгляд на европейскую жизнь мало кому в Европе казался избавлением от своих же иллюзий. Скорее, он воспринимался как шокирующее открытие ужасных перемен, как повсеместное нашествие невесты откуда взявшихся национал-популистов. Но как я пытался показать, нынешний подъем национал-популизма трудно назвать неожиданным: в значительной мере это ответ на предшествовавший этап усиления элитизма.

Нациофобия в России

Если на Западе популизм (в различных своих проявлениях) стал влиятельным политическим движением, то в России реальный популизм, на мой взгляд, еще не сложился. То, что пока проявляется и называется этим именем, – это, как правило, такая же имитация политической реальности, как и российская демократия [Паин, Федюнин 2019]. Имитационной демократии присущ и имитационный популизм, а реальной проблемой в России выступает элитизм в двух своих разновидностях.

Наиболее очевидной, заметной формой этого идейно-политического явления выступает *патерналистский элитизм власти*, воспринимающий народ только как объект управления, подданных, “детей неразумных”, которые пропадут без отцовского присмотра. Эта разновидность элитизма хорошо отражена в формальных и неформальных титулах постсоветских правителей, которых именуют “отцами народа” (“туркменбаши” в Туркмении, “елбасы” в Казахстане, “батька” в Белоруссии, “национальный лидер” в России). Но о патернализме уже многое сказано, и мало что можно к этому добавить. Не осмыслена другая разновидность элитизма – *снобистский элитизм либеральной интеллигенции* (не всей, к счастью). Его носители исходят из представления о принципиальной неспособности народа к политическому участию. В радикальной форме эту мысль выразила Ю. Латынина, по мнению которой допускать большинство россиян “до управления государством [можно] только после тестов на вменяемость” [Латынина 2014]. Есть и менее радикальные предложения об ограничении участия населения в управлении различного рода цензами. Еще одна характеристика этого элитизма состоит в том, что он производит смыслы, в том числе и политические программы, изначально не рассчитанные на массовую поддержку.

Патерналистский элитизм опирается на традиционализм, насаждая его в массах, а затем оправдывая свою политику перманентного застоя природной или культурной, “цивилизационной” консервативностью масс. Интеллигенция, вернее значительная ее часть, готова противопоставить традиционализму истеблишмента и насаждаемому им массовому мракобесию свой прогрессизм. Однако снобистский элитизм не может рассчитывать на прогресс. Это явление *сугубо сектантское*, продуцирующее идеи, предназначенные только для узких кругов единомышленников, группы “своих” или “наших”. Этот элитизм не восприимчив к запросам масс, поэтому его апологеты предлагают футурологические прожекты (все эти утопии с приставкой “пост” – “постистория”, “постнаука”, “постправда” и особенно “постнация”), заведомо не привлекательные и просто неприемлемые для большей части общества, не учитывающие другие ограничения и уже поэтому не осуществимые, не реализуемые в реальных условиях и заведомо не влияющие на возможность прогрессивных перемен.

Если идея конца истории (“постистории”) сегодня чаще всего воспринимается с иронией, которую демонстрирует и сам ее автор – Ф. Фукуяма, то аналогичная и столь же утопическая концепция “постнации” оказалась весьма живучим увлечением определенной части интеллектуалов. Вот и на полях недавней дискуссии “Глобализация и либеральная демократия”, организованной Фондом Либеральная миссия, оно проявилось в полной мере.

Так, Д. Коцюбинский грезит о “необходимости радикальной смены, образно выражаясь, международного идеологического дизайна”, и прежде всего автор надеется на “уход в прошлое изживших себя национальных государств” [Коцюбинский 2019]. Либеральный правозащитник Д. Дубровский задумался насчет “отмирания государства. Действительно, государство нам не нужно. Нам нужна новая форма ассоциаций, не территориальная – абсолютно точно” [Гааза, Дубровский 2019].

Перечитывая высказывания Дубровского, я не могу избавиться от множества вопросов: от чьего имени провозглашается “нам не нужно государств” и “нам нужны новые формы ассоциаций”? Кому это “нам”? Чем, кроме сугубо эмоционального утверждения (“абсолютно точно”), обоснована Дубровским целесообразность и возможность отмирания государств? И главное, что предлагается вместо государств? Вот на этот вопрос дается ответ: “Мне кажется, что здесь любопытно смотреть на всякого рода маргинальные проекты, которые показывают <...> альтернативы. Меня в свое время очень порадовал проект экстерриториального цыганского государства, в котором нет границ, есть только граждане” [Гааза, Дубровский 2019]. Но такой ответ порождает еще больше вопросов: кто в таких этнических ассоциациях (скажем, цыганской) будет защищать права этнических меньшинств (не цыган) и регулировать их отношения с большинством? Будут ли в экстерриториальных ассоциациях тюрьмы и пожарные службы? Или преступность и пожары отомрут вместе с государством? Это лишь один из образцов футурологизма в стиле фэнтези, весьма популярного среди современной российской интеллектуальной элиты.

Высокая историческая устойчивость государств как основной формы территориальных сообществ делает крайне маловероятным успешный поиск каких-то совершенно новых, альтернативных форм территориально-политического устройства. Но в аналитических целях на время забудем об этих ограничениях и помечтаем. Представим себе славное время, когда Гаити и США, Либерия и Швейцария, Иран и Израиль вдруг станут жить равно богато, по одним или настолько близким культурным нормам, что отдельные государства им станут не нужны и они съедутся в общежитие, как и предсказывал пролетарский поэт В. Маяковский: “заживут единым человеческим общежитием”. Однако и в этом фантастическом случае государство не исчезнет, а всего лишь “растянется” до масштабов Земного шара. Это вариация известной теории мондиализма, многократно раскритикованной, и лучше всего ее бывшими апологетами, такими как Фукуяма (об этом будет сказано ниже).

Возможен и другой сон, с противоположным сюжетом. Одностороннюю сецессию, наконец, признают допустимой, и тогда мир разобьется вдребезги на мелкие осколки – города-государства с небольшой периферией, а где-то и на племена. Однако и в данном случае сохранятся основные признаки государств, только очень маленьких. С маленькими тюрьмами, с крошечными пожарными командами и такими же таможенными, пограничными, полицейскими, экологическими и другими службами; с компактными парламентами и муниципалитетами, с маленькими, но международными аэропортами и – для обслуживания всего этого – с огромными налогами, возложенными на плечи “маленького человека”.

К. Гааза считает необходимым появление новой онтологии для обслуживания стихийного процесса глобализации [Гааза, Дубровский 2019]. Я с этим совершенно не согласен. Необходимость сочетания перемен и устойчивости основных форм человеческой жизни уже выдвинула такую парадигму. Она сложилась как антитеза тоталитарному авантюризму XX в. и рассматривает в качестве абсолютного зла его проекты “разрушения старого мира” и «“окончательного” решения “национального вопроса”». Я бы сформулировал нынешнюю парадигму примерно так: минимизация разрушений исторически устойчивых природных и культурных систем, руководствуясь древнейшим принципом *primum non nocere* (прежде всего не навреди), и перенос нагрузки по адаптации этих систем к новой

эпохе на внешние технологические приспособления. Так, проект “человек-амфибия”, предполагающий соединение в одном организме жабр рыбы и легких человека, остается только в одноименном советском фантастическом романе и его экранизации. В жизни же длительное пребывание людей под водой обеспечивается не за счет радикальной перестройки анатомии и физиологии самого человека, а с помощью внешних технических средств – от аквалангов до батискафов и других подводных аппаратов. Мировое сообщество уже не только не пытается заменить множество этнических языков одним искусственным (увлечение эсперанто – удел любителей), но и принимает международные хартии по защите исторических региональных языков или языков меньшинств. А обеспечение лингвистической коммуникации берут на себя электронные переводчики, обслуживающие сразу множество языков и устанавливаемые ныне на любом смартфоне.

Международное право, к счастью, эффективно сопротивляется попыткам легитимировать одностороннюю сецессию и подталкивает к решению межэтнических, межкультурных противоречий за счет такого относительно нового явления, как федерализация и ее совершенствования. Реализация права на самоопределение путем односторонней сецессии возможно только в случае, если на некоторой территории имеют место грубые массовые нарушения прав человека или систематическая дискриминация этнического меньшинства и нет иного способа изменить сложившееся положение. Подчеркиваю – это экстраординарные случаи, не правило, а исключения. Даже Брексит стал проблемой как для британцев, так и для жителей остальных стран Европы, хотя ЕС не государство и Великобритания всегда ограничено участвовала в этом межгосударственном союзе. Однако и разрыв межгосударственных связей оказывается весьма болезненным для социумов и экономики, что уж и говорить о распаде государства.

Шимов, прокламирующий в дискуссии “Глобализация и либеральная демократия” кризис проекта национального государства, сам же и признает, что замены такой политической форме пока нет [Шимов 2019]. Похожую мысль высказывает и Крастев: “Процессу европейской интеграции удалось делегитимизировать европейское национальное государство, но не удалось создать единое общественное пространство и политическое единство в Европе” [Крастев 2012]. Впрочем, и слухи о делигитимации европейских национальных государств слишком преувеличены. Каталонцы добиваются национальной независимости, не обращая внимания ни на угрозы Испании заблокировать ей в этом случае путь в ЕС, ни на судебные преследования лидеров сепаратизма. Новые члены Евросоюза – государства бывшего соцлагеря – могут возмутиться от одного лишь предположения об убывающей легитимности их политических наций. В странах – основателях Сообщества не только незаметны признаки делигитимации наций, но наблюдаются прямо противоположные тенденции – они даже не желая того вынуждены все чаще играть по собственным правилам вне рамок ЕС. Другое дело, что проект объединенной Европы задумывался с целью ослабления национальных идентичностей, входящих в него государств. Однако эта идея изначально была несбыточной утопией.

Уже в 1980-е гг. был выявлен культурный парадокс глобализации: ее развитие усиливают противоположные процессы возвратного роста интереса к своей этнонациональной идентичности [Комарофф 1994]. Первоначально считалось, что эффект этнонационального ренессанса присущ лишь региональным аутсайдерам – сообществам, отстающим в социальном и экономическом развитии. Однако подобные процессы стали проявляться и в самых развитых регионах Европы: во Фландрии, Каталонии, Шотландии.

Глобализация повсеместно усиливает стремление к локализации и демонстративной самобытности. Этот парадокс глобализации, порождающей свои противоположности, проявляется не только в культурной, но и в политической сфере. Так, миграционный кризис 2015–2017 гг. в Европе обусловил не только проблемы, но движение к их преодолению. В 2016 г. бундестаг, вопреки сопротивлению левых и зеленых, принял новое ми-

грационное и интеграционное законодательство, которое, помимо ужесточения условий въезда и облегчения возможностей депортации мигрантов, в большей мере увязывает продление их вида на жительство (не говоря уже о предоставлении гражданства) с доказательствами их интеграции в немецкое общество, в германскую политическую нацию [Правительство Германии... 2016]. Не только в Германии, но и в других крупнейших странах ЕС начался процесс преодоления негативных сторон мультикультурализма. Так, все большей популярностью пользуется концепция “интеграционного контракта”, предполагающего взаимные обязательства принимающей стороны и иммигрантов [Юдина 2014].

Этот подход отличается от мультикультурализма в двух отношениях: во-первых, контрактный принцип переводит ориентацию властей с общины на конкретного индивида, с которым и заключается контракт (что, кстати, уменьшает зависимость мигранта от общины); во-вторых, стимулирует включение мигранта в принимающее сообщество, поскольку налагает на него определенную ответственность за интеграцию в некое национальное сообщество и обязанность доказательства интегрированности. Концепция “интеграционного контракта” уже действует в Австрии, Бельгии, Дании, Нидерландах, Финляндии и ряде других стран. Она хорошо сопрягается с новой парадигмой интеркультурализма (*interculturalism*), набравшей популярность в канадском Квебеке в начале нынешнего столетия [Bouchard 2011] и реализуемой в рамках совместной программы Совета Европы и Еврокомиссии под названием “Межкультурные города”. Интеркультурализм выступает антитезой как национал-популизму, ориентирующемуся только на интересы “своих”, “местных”, то есть на этническое большинство, так и мультикультурализму, направленному на защиту (зачастую мнимую) исключительно этнических, культурных и конфессиональных меньшинств. При этом теории и политики, продвигающие идеи интеркультурализма, не подвергают сомнению неизбежность и правомерность роста культурного разнообразия в большинстве стран мира. Критике подверглась лишь тенденция фактического спонсирования государством процессов фрагментации общества, образования в нем замкнутых общин, новых гетто, добровольных или вынужденных.

Кризис как надежда на выздоровление

Мир полон перемен, особенно в эпоху глобализации. Это так же бесспорно, как и то, что наряду с переменами сохраняются фундаментальные факторы человеческой жизни, ограничивающие произвольное конструирование новообразований. Миллионы лет на Земле действует гравитация, сотни тысяч лет человек остается двуногим прямоходящим млекопитающим, как бы ни развивались его сапиентальные признаки. Ограничивают произвол нововведений и ряд относительно устойчивых культурно-психологических факторов, примером могут служить языковые процессы. Идея отмирания этнических языков и их замена одним искусственным почти столь же стара, как и идея отмирания государства. Существуют сравнительно недавние расчеты (не имею возможности оценить их обоснованность) выгод в десятки миллиардов долларов от перехода человечества на искусственный язык эсперанто [Pagano 2015]. Тем не менее в мире сохраняются более шести тысяч этнических языков, а некоторые мертвые языки возрождаются (иврит в Израиле, эскимосский язык в США, саамский в Финляндии). Возрождаются также все без исключения языки титульных национальностей новых независимых государств бывшего СССР, ибо в постсоветское время радикально возросли объемы коммуникации на этих языках, часто затухавших в Советском Союзе [Мечковская 2011].

Устойчивость неких явлений вовсе не предполагает их неизменности. Англичане говорят на языке У. Шекспира уже почти пять веков, но этот язык за прошедшие столетия сильно обновился. И государство как форма территориально-политической организации

общества сохраняется уже тысячелетия, хотя современные государства мало похожи на те, которые были не только четыре тысячи лет назад при царе Хаммурапи или во времена Вестфальского договора (400 лет назад), но даже и на государства полувековой давности. На мой взгляд, прав Ж. Деланнуа, утверждающий, что в связке государство и нация большим изменениям в условиях глобализации подвержено именно государство [Деланнуа 2018]. Действительно, нация – это воображаемое сообщество, основанное во многом на идентичности, и как идеальная конструкция она лишь опосредованно зависит от глобализации. Разумеется, нация также подвержена переменам, но пока сохраняются основные ее функции, о которых я уже говорил: воспроизводство политических традиций, в том числе и демократических, там, где они появились. Это политическая мобилизация под лозунгом “мы один народ”; легитимация демократических режимов (и только их, поскольку авторитаризм в народной легитимации в действительности не нуждается).

Хочу подчеркнуть, что *синтез либерализма и демократии невозможен без третьего связующего их звена – гражданской нации*, понимаемой как согражданство, воплощающее идею народного суверенитета, то есть *общества, овладевшего государством для реализации общественных и в этом смысле национальных интересов*. К данной идее непростым путем пришел бывший теоретик мондиализма Фукуяма. В его публикациях после 11 сентября 2001 г. все чаще подчеркивается важная роль национального государства в современном мире: “Успешное общество немыслимо без какого-либо национально-го строительства и национальной идентичности” [Фукуяма 2013]. Эта мысль отражает значительные перемены во взглядах политического мыслителя, который в своей книге 1992 г. о “конце истории” называл национальные государства “временными перевалочными пунктами” на пути к “планетарному существованию” либерализма как единой слаженной рационально-функциональной системы.

Не менее сложной была эволюция взглядов мыслителей левого толка в том же направлении – к признанию необходимости либерально-демократического синтеза, предполагающего фактическое признание и роли нации. Ю. Хабермас в 1960-е гг. был непримиримым противником либерализма, а в 1990-е гг. безусловно поддержал необходимость синтеза демократии и либерализма, утверждая, что “народный суверенитет и права человека идут рука об руку, а, следовательно, обнаруживают родственность гражданской и личной независимости” [Habermas 1996, p. 127].

В начале XXI в. именно в крупнейших и наиболее экономически развитых странах мира обнаружилось множество разрывов (или надрывов): между демократией и либерализмом, между элитой и массой, между ментальностью старой и новой Европы, etc. Первоначально это восприятие порождало алармизм, панические настроения, воспроизводство идей о закате Европе, тупиках либерализма и, вообще, о конце света. Однако постепенно становится заметно, что эти страхи, сильно преувеличенные изначально, затухают. Европейский миграционный кризис, самый крупный после Второй мировой войны, стал спадать уже в 2016 г.; экономический порядок оказался куда более устойчивым, чем предполагалось; национальные государства живы и не демонстрируют признаков “отмирания”; Евросоюз сохраняется и после объявления Брексита, незаметно признаков его полного разрушения даже в случае выхода из него Великобритании. В конце концов, Норвегия никогда не входила в ЕС, но тесно связана с ним многими узлами. Происходит позитивная коррекция унитарной (точнее, “центростремительной”) модели этого сообщества на скорее конфедералистскую (“Европа разных скоростей”) концепцию, одобренную большинством ее членов в рамках Римской декларации 25 марта 2017 г. [Римская... 2017]. Смена однолинейной концепции модернизации в направлении к единому образцу по версии “конца истории” на не столь уж новую, но более адекватную реальности модель “множественной современности” (“multiple modernities”) также вряд ли можно считать трагической тенденцией развития.

И популизм перестает восприниматься как “ужас-ужас”. Даже в тех странах, где популистские лидеры пришли к власти, как в Италии (времен С. Берлускони и при нынешнем коалиционном правительстве Лиги и Движения пяти звезд), или в США при президентстве Д. Трампа, обнаруживается высокая устойчивость либерально-демократической системы, во многом “подминающей”, приспособливающей под себя популистских политиков. Что касается массовых движений в странах, где популизм выступает в роли оппозиционных сил, то они приводят не только к беспорядкам, но к некоторым положительным сдвигам в направлении к дальнейшей демократизации.

Одно из самых известных высказываний Дж. Ф. Кеннеди гласит: «Слово “кризис”, написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает “опасность”, а другой – “благоприятная возможность”». На мой взгляд, эта мудрость весьма актуальна для оценки нынешней ситуации в глобализующемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боброва О. (2015) Репортаж из Моленбека, неблагополучного мусульманского района Брюсселя, откуда пришли парижские террористы // Новая газета. 22.11 (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/22/66470-znat-svoy-potolok>).

Вебер М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью.

Гаазе К., Дубровский Д. (2019) Разметка боем? О либерализме будущего дня // Фонд Либеральная миссия. 20.03 (<http://www.liberal.ru/articles/7337>).

Гидденс Э. (2018) Мы страдаем от “космополитической перегрузки”, и перед нами стоит серьезная задача – создать ответственный капитализм // Гефтер. 31.08 (<http://gefter.ru/archive/23882#up1>).

Деланнуа Ж. (2018) Элитарная нациофобия: почему распространенное в элитах неприятие нации несостоятельно // Неприкосновенный запас. № 6 (122) (https://www.nlobooks.ru/magazines/nerikisnovennyu_zapas/122_nz_6_2018/article/20546/).

Зегберс К. (2019) Этика “базовых нужд” и современная Европа // Фонд Либеральная миссия. 06.05 (<http://www.liberal.ru/articles/7361>).

Индекс доверия GfK (2009) // Гуманитарные технологии. 14.07 (<https://gtmarket.ru/news/state/2009/07/14/2094>).

Комарофф Дж. (1994) Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в политэтнических государствах: Материалы международной конференции 25–27 января 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука.

Коцубинский Д. (2019) Регионалистская альтернатива глобальному унынию (Часть вторая) // Фонд Либеральная миссия. 08.04 (<http://www.liberal.ru/articles/7347>).

Крацев И. (2019) 2019 год в России – это бунт родителей против ценностей их детей // Colta. 10.04 (<https://www.colta.ru/articles/mosty/20978-ivan-krastev-2019-god-v-rossii-eto-bunt-roditeley-protiv-tsennostey-detey>).

Крацев И. (2012) Парадокс европейской демократии // Гефтер. 29.04 (<http://gefter.ru/archive/3288>).

Латынина Ю. (2014) Либеральный большевизм // Новая газета. 07.10 (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/07/61463-liberalnyu-bolshevizm>).

Лэш К. (2002) Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс.

Манен Б. (2008) Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Мечковская Н.Б. (2011) Постсоветские языки в условиях государственного суверенитета // Веснік БДУ. Сер. 4. № 2. С. 75–82.

Муфф Ш. (2004) К агонистической модели демократии // Логос. № 2 (42). С. 180–197.

Ремингтон Т. (2019) Почему неравенством обеспокоены не только левые // Ведомости. 07.05 (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/07/800846-pochemu-neravenstvom-obespokoeni>).

Римская декларация: новый старт европейского проекта (2017) (<https://ru.euronews.com/2017/03/25/eu-leaders-mark-60th-anniversary-of-founding-treaty>).

Паин Э.А., Федюнин С.Ю. (2019) Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // ПОЛИС. № 1. С. 33–48.

Правительство Германии одобрило закон об интеграции мигрантов (2016) // Euronews. 25.05 (<https://ru.euronews.com/2016/05/25/german-cabinet-approves-integration-law>).

Фукуяма Ф. (2013) Проблемы европейской идентичности // Гефтер. 17.06 (<http://gefter.ru/archive/9047>).

Шимов Я. (2019) Рваные знамена наций // Фонд Либеральная миссия. 23.01 (<http://www.liberal.ru/articles/7309>).

Юдина Т. (2014) Адаптационные и интеграционные контракты: опыт стран иммиграции для России // Алтайская школа политических исследований (<http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2851>).

Bershidsky L. (2017) The West's biggest problem is dwindling trust. A decline in social capital drives surprising electoral outcomes (<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust>).

Bouchard G. (2011) What is interculturalism? // *McGill Law Journal*. Vol. 56. No. 2. Pp. 435–468.

Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Bros.

Guilluy Ch. (2016) *Le crépuscule de la France d'en haut*. Paris: Flammarion.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, (MA): The MIT Press.

Pagano G. (2015) Goal 18 for the United Nations: Esperanto, the Common Language of the Human Species // *La Voce di New York*. 20.07 (<https://www.lavocedinewyork.com/en/2015/07/20/goal-18-for-the-united-nations-esperanto-the-common-language-of-the-human-species/>).

Rawls A.W. (2001) Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason // *Journal of Classical Sociology*. No. 1. Pp. 33–68.

Taylor Ch. (2012) *Democracia Republicana / Republican Democracy*. Santiago de Chile: LOM Edicions.

REFERENCES

Bershidsky L. (2017) *The West's Biggest Problem Is Dwindling Trust. A decline in social capital drives surprising electoral outcomes* (<https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-01-04/the-west-s-biggest-problem-is-dwindling-trust>).

Bobrova O. (2015) Reportazh iz Molenbeka, neblagopoluchnogo musulmanskokgo rayona Brusselya, otkuda prishly parizhskie terroristi [Report from Molenbeek, a disadvantaged Muslim district of Brussels where Paris terrorists came from]. *Novaya gazeta*, 22.11 (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/11/22/66470-znat-svoy-potolok>).

Bouchard G. (2011) What Is Interculturalism? *McGill Law Journal*, vol. 56, no. 2, pp. 435–468.

Delannoï G. (2019) Elitarnaya natsiofobiya: pochemu rasprostranennoye v elitakh nepriyatiye natsii nesostoyatel'no [Elite's Natio-phobia: Why Prevailing in the Elites Rejection of the Nation Is Untenable]. *Neprikosnovennyy Zapas*, no. 6 (122) (https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/122_nz_6_2018/article/20546/).

Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper & Bros.

Fukuyama F. (2013) Problemy evropeyskoy identichnosti [Problems of European Identity]. *Gefter*. 17.06 (<http://gefter.ru/archive/9047>).

Gaaze K., Dubrovskiy D. (2019) Razmetka boyem? O liberalizme budushchego dnya [Markup in combat? About the future day liberalism]. *Fond Liberal'naya Missiya*. 20.03 (http://www.liberal.ru/articles/7337?fbclid=IwAR1KTRtXtCiz0KOUZW50jwQbCOOdqQmS-PQfxWsPKZx3k_ic_jFBHWQZLXQ).

Giddens A. (2018) My stradayem ot "kosmopoliticheskoy peregruzki" i pered nami stoit ser'yeznaya zadacha – sozdat' otvetstvennyy kapitalizm [We are suffering from a "cosmopolitan overload", and we face the serious task – to create a responsible capitalism]. *Gefter*. 31.08 (<http://gefter.ru/archive/23882#up1>).

Guilluy Ch. (2016) *Le crépuscule de la France d'en haut*. Paris: Flammarion.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): The MIT Press.

Indeks doveriya GfK (2009) [GfK trust index]. *Humanitarian technologies*. 14.07 (<https://gtmarket.ru/news/state/2009/07/14/2094>).

Komaroff J. (1994) Natsional'nost', etnichnost', sovremennost': politika samoosoznaniya kontsa XX veka [Nationality, ethnicity, modernity: the policy of self-awareness at the end of the 20th century]. *Ethnicity and Power in Multi-Ethnic States: Proceedings of the International Conference, January 25–27, 1993*. V.A. Tishkov (ed). Moscow: Science, pp. 35–70.

Kotsyubinskiy D. (2019) Regionalistskaya al'ternativa global'nomu unyniyu (Chast' vtoraya) [A Regionalist alternative to the global despondency (Part Two)]. *Fond Liberal'naya missiya*. 08.04 (<http://www.liberal.ru/articles/7347>).

Krastev I. (2012) Paradoks evropeyskoy demokratii [European Paradox Democracy]. *Gefter*. 29.04 (<http://gefter.ru/archive/3288>).

Krastev I. (2019) 2019 god v Rossii – eto bunt roditeley protiv tsennostey ikh detey [2019 in Russia is a year of a parents' revolt against the values of their children]. *Colta*. 10.04. (<https://www.colta.ru/articles/mosty/20978-ivan-krastev-2019-god-v-rossii-eto-bunt-roditeley-protiv-tsennostey-detey>).

Lash Ch. (2002) *Vosstaniye elit i predateľ'stvo demokratii* [The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy]. Moscow: Logos, Progress.

Latynina Yu. (2014) Liberal'nyy bol'shevizm [Liberal Bolshevism]. *Novaya gazeta*. 07.10 (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/10/07/61463-liberalnyy-bolshevizm>).

Manin B. (2008) *Printsipy predstavitel'nogo pravleniya* [The Principles of representative government]. St. Petersburg: Evropeyskiy Universitet v St. Petersburg.

Mechkovskaya N.B. (2011) Postsovetskiye yazyki v usloviyakh gosudarstvennogo suvereniteta [Post-Soviet languages under the condition of state sovereignty]. *Vesnik NDU*. Ser. 4, no. 2, pp. 75–82.

Mouffe Ch. (2004) K agonisticheskoy modeli demokratii [Towards an Agonistic Model of Democracy]. *Logos*, no. 2 (42), pp. 180–197.

Pagano G. (2015) Goal 18 for the United Nations: Esperanto, the Common Language of the Human Species. *La Voce di New York*. 20.07 (<https://www.lavocedinewyork.com/en/2015/07/20/goal-18-for-the-united-nations-esperanto-the-common-language-of-the-human-species/>).

Pain E.A., Fediunin S.Yu. (2019) Populizm i elitizm v sovremennoy Rossii: analiz vzaimosvyazey [Populism and elitism in contemporary Russia]. *POLIS*, no. 1, pp. 33–48.

Pravitel'stvo Germanii odobrilo zakon ob integratsii migrantov (2016) [The German government has approved the law on the integration of migrants]. *Euronews*. 25.05 (<https://ru.euronews.com/2016/05/25/german-cabinet-approves-integration-law>).

Rawls A.W. (2001) Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason. *Journal of Classical Sociology*, no. 1, pp. 33–68.

Remington T. (2019) Pochemu neravenstvom obespokoeni ne tol'ko levye [Why not only the Left is concerned with inequality]. *Vedomosti*. 07.05 (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/07/800846-pochemu-neravenstvom-obespokoeni>).

Rimskaya deklaratsiya: Novyy start yevropeyskogo proyekta (2017) [The Rome Declaration: A New start for the European project]. *Euronews*. 25.03 (<https://ru.euronews.com/2017/03/25/eu-leaders-mark-60th-anniversary-of-founding-treaty>).

Segbers K. (2019) Etika “bazovyye potrebnosti” i sovremennaya Evropa [The Ethics of “basic needs” in modern Europe]. *Fond Liberal'naya missiya*. 06.05 (<http://www.liberal.ru/articles/7361>).

Shimov Ya. (2019) Rvanye znamena natsiy [The Torn flags of the nation]. *Fond Liberal'naya missiya*. 23.01 (<http://www.liberal.ru/articles/7309>).

Taylor Ch. (2012) *Democracia Republicana / Republican Democracy*. Santiago de Chile: LOM Edicions.

Weber M. (2002) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant ethic and the spirit of capitalism]. Moscow: East view.

Yudina T. (2014) Adaptatsionnyye i integratsionnyye kontrakty: opyt stran immigratsii dlya Rossii [Adaptation and integration contracts: The Immigration countries' experience for Russia]. *Altai School of Political Studies* (<http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2851>).